В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

У главного под'езда МХАТ СССР им. Горького

■ ■ ■

Депутат Верховного Совета СССР, народный артист СССР профессор И. М. Москвин читает письма своих избирателей

Народный артист СССР профессор И. Н. Певцов за рабочей кафедрой

■ ■ ■

Директор МХАТ СССР им. Горького И. Я. Дмитриев, профессионалы и актеры 40 лет, проведенных в театре

■ ■ ■

Афиша МХАТ СССР им. Горького, выпущенная в его гастроли в Париже в 1937 году

К. С. Станиславский — А. П. Чехов

По неизданным материалам Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина

Накопленная переписка К. С. Станиславского с А. П. Чеховым, хранящаяся в отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, представляет ценнейший материал в истории Московского Художественного театра и сотрудничества в нем Станиславского и Чехова. На почве служения этому театру завязалась их переписка, их многочисленные встречи, их личные взаимоотношения, сердечные и простательные, полные заботы и внимания друг к другу, их незыблемая дружба на протяжении ряда лет.

«Глубокоуважаемый Антон Павлович.

Прежде всего выражаю благодарность за присылку книги Ваших повестей и рассказов. Я начитываюсь ими теперь, на свободе, и уже проникла добрую исповедь». (1899 г., июнь, 16).

«Добрейший и многуважаемый Антон Павлович. Я Вас очень благодарю за Ваше чудное, прелестное и сердечное письмо. Опасения раскаяния, а жизнь заставила прекратиться.

Как досадно и больно, что вы уехали. Весть об этом пошла до нас, и мы все взволновались, но почитаемку, чтобы еще больше не расстраивать Ольгу Леонардовну. Должно быть, весна будет ранняя, и мы скоро увидим Вас среди нас... Это для нас большой праздник, в этом вы не должны сомневаться, да и на другие вы не спекулируете, когда они — бывшие». (1899 г., январь, 14).

Нашлось интересное сообщение К. С. Станиславского и о своей роли.

«Что сказать о себе? Не любите и вообще не любите, дедушка. Нет, я ничего лучше. С интересными делами возвращаюсь домой и выдержка на свидание с Вами»,— писал К. С. Станиславский из-за границы (1900 г., февраль, 11).

«Наступает тяжелое время: вместо большого наслаждения начинать пьесы Чехова, приходится тяжелый труд заниматься разучиванием Ибсена». (1900 г., декабрь).

«Ждет генеральная «Стокгольм общества». Вечер мой, если бы Вы мне его, которым употребляем на эту отвратительную пьесу, были отданы Вашему «Вишневому саду»,— театр бы рухнул от аплодисментов, и мы бы наши впечатления отдыхали перелистывать Вашу пьесу несколько лет под рад. Теперь же, думая с неприязнью «Стокгольм общества», мы вспоминаем Вашу пьесу, шуткою нам фразу: «Нашему и это не нужно». (1901 г., февраль, 11).

«У меня уже начались сценические лихорадка. Хочется скорее приехать с Пекарем и принялась за Чехова» (1903 г., июнь, 24).

Переписка К. С. Станиславского с А. П. Чеховым о ходе работ над его пьесами, репетициях, самочувствии актеров, декорациях, постановочном отношении к драматургу Чехова.

«Пьеса пишет («Три сестры». — М. Ф.), и вообще я в каждый раз чрезвычайно больше и больше влюбляюсь, до того сильно, что я не в состоянии выбрать отдельной сцены для чтения на концертных подмостках в Благородном собрании.

Какого чтения допустить нельзя, пьеса имеет не оценена публикой и печатью» (1900 г., декабрь).

«Была генеральная репетиция 3-х первых актов и порадовала. Не всякие слушали чутковато и очень сосредоточены. Темпы распределяются дня, нервно выстроены так: 1-й акт — весел, бодр, 2 — чрезвычайно быстрый, 3 — страшно нервен, быстро идет не в темпах и нервах. К концу пьесы, надрываются, и темп опускается. 4— еще недостаточно определилась. (1901 г., февраль).

«Вчера был радостный день.

Мы играли после долгого перерыва «Три сестры». Репетировали прогонами вторая, на репетиции сошлись, чтобы проговорить пьесу, увлеклись и сыграли ее для себя до шести ночи.

Вчера играли вторично перед публикой Дядю и не играл с таким удовольствием.

Пушки восторженный, и мы спокойнее пьесы сыграли у под'ездов». (1903 г., октябрь).

К. С. Станиславский сообщает А. П. и о других постановках.

«Спектакль был интересный и, кажется, — произвел большое впечатление, — пьеса, он с поклонниками «Дядя Ваня» в участников Пироговского с'езда. — Мы надеялись встретиться с самой образованной публикой, но оказалось, было много молодых людей, которые редко или давно не бывали в театре. Помню, например, одного лохматого старичка, который все сидел на конечно стула с очень удивленным и малым подъ. В третьем антракте он начал пробовать [illegible]

[illegible] в своих ладонях. Только [illegible] чаяния спектакля у нас начало что-то выходить, и он уверен так, что последним вызвал на театра» (1903 г., январь, 14).

«Сейчас начался 3-й акт «Дяди Вани». Прием восторженный, 60-й спектакль и в сад. (зрим) 1400 руб., несмотря на то, что вчера шли «Три сестры».

Мы сегодня играем. Это не вышло, а вышло, что вышло: только в заключение год публика Вас раскусила. Никогда на слушала так Вашу пьесу, как в этом году. Гробовая тишина, ни одного кашля, несмотря на ужасную погоду» (1903 г., ноябрь, 3).

«Вечером играли «Дядю Ваню». Сбор хороший, — в театре сидит Ермолова и очень аплодирует». (1903 г., ноябрь).

Особенно много внимания уделяется в переписке К. С. Станиславского «Вишневому саду»: с тревогой и нетерпением снимали он присылки пьесы от автора.

«Боялся верить счастью, что 20 марта Ваша пьеса будет у нас в руках. Если нет, можно быть бесгарным Крыловым»). Ах, до чтения Чехова. Я не могу умереть своего нетерпения прочесть пьесу и начать ее репетировать. Это правда. Мы трепетали всегда, что Ваши пьесы появятся на сцене в конце сезона и не успеем нашуметь настолько, чтоб публика, настоятели все лукулоста, которого я не сумеет писать, составила бы себе надлежащее о ней представление. Правда в то, что мы не автоскальки с Вашей пьесе» (1908 г., октябрь).

Получив пьесу, К. С. Станиславский тотчас же по прочтении телеграфировал А. П. Чехову.

«Сейчас только прочел пьесу. Потрясен, не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшим из всего прекрасного. Ваши впечатления, которые поразили гениального автора. Чувствую, нашло важное слово. Благодарю за доставленное уже и предстоящие большое наслаждение» (1903 г., октябрь, 22).

На ограничивающих стены, посыпает письмо, где снова говорит о достоинствах пьесы, скромных по характерным формы и более подробно излагая свои впечатления:

«Дорогой Антон Павлович. По-моему, «Вишневый Сад» — это лучшая Ваша пьеса. Я великий на дыме больше хорошей «Чайки». Это на помадки, не фарс, как Ваш пьесы, — это трагедия, какой бы выход и лучшей жизнь бы ни стремиться

К. С. Станиславский в английской пьесе-трагедии Бернарда Шоу. (Сцена «Цезарь и Клеопатра»). 1931 год на лучшей пробуждения Бернарда Шоу в Москве

в последнем акте. Впечатление огромно, и это достигнуто полутонами, нежными, акварельными красками. В ней больше поэзии, [illegible] прекрасно, блестяще. [illegible] мне предложили выбрать себе роль на выбор, — я бы запутался, до такой степени нравится мне каждый и себя». (1903 г., октябрь).

Высказывания некоторых спасения на пьесу.

С. Станиславский пророчит ей несомненный успех.

«Боюсь, что это слишком тонко для публики. Она несмотря пойдет всю тонкость. Ну, сказано: поплачет пришлется жизнь и заняв с пьесой. Тем не менее успех будет огромный, я, в пьеса сыграет. Она до такой степени правдива, что на нее нельзя вычерпнуть слова.

Может быть и пристрастен, но я не вижу никакого недостатка в пьесе. Есть бывает, что нужно требует сильных больших и тонких актеров, чтобы обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать. При первом чтении меня смутило одно обстоятельство: я сразу был выбежен и нежен пьесой. Этот не было на с «Чайкой», на с «Тремя сестрами». Я прямо в смутных впечатлениях от первого чтения. Ваших пьес. Вот почему я боялся, что при вторичном чтении пьеса не вызовет меня. Кусков тут! В самом, как женщина, хотя, но не мог удержаться. Слышу, как Вы говорите «пошлости, да ведь это не фарс»... Нет, для простого человека — это трагедия. Я сущая. В этой пьесе особую нежность и доброта. Я почти на слишку критики, хотя авторы любят критиковать. Но этот раз нам-то сразу полчишелся. Если мы и раздается голою критика, я улыбаюсь и не дам себе труда спорить. Я жалею критикующего. Кто-то сказал: самый лучший вид, а наивным уличный это 5-й. Мне смешно, и я не спорю. Начиная роман вспомнить сцену на сценой 1-й акт, и уже это для меня — толка. 4-й акт хорош именно потому, что 2-й акт аплодисмент и оборот. Я обдумаю эту пьесу или конкурсе и не подделаюсь критика. Кто не спешивает, тот дурак. Это мое неизменное убеждение. Играть в ней я буду с восхищением. Я, если сыграю одно или несколько ролей, не перепрыгнуть все роли, на исключая роли Шарлотты. Спасибо Вам, дорогой Антон Павлович, за большое наслаждение, уже изнывшее в простоверие. Как бы я хотел бросить мои обязанности от арма Брута (в роли «Юлий Цезарь» — М. Ф.), — я сыграл бы жить и начинается с «Вишневым садом». Противный Брут давно — высасывает из меня соки. Я его ненавидеть. Я великий на дыме больше хорошей «Чайки». Кревно жму Вашу руку и прошу не принимать меня за психопатку». (1904 г., октябрь).

■ ■ ■

В последующих письмах [illegible] К. С. Станиславский подробно сообщает А. П. Чехову о начале работы над пьесою, о трудностях в создании образа роли.

«Дал Вам клятву, что я люблю все роли в пьесе и держусь исключительно одной точки зрения при распределении ролей: «как будет выгодно для пьесы, как показать публике правдость каждой роли?» Оказалась мне очень жалко, и, буду стараться с восхищением, но я боюсь: пьеса не хожу в себе нужного тона. Идут [illegible] упорно и с большим интересом. Я [illegible] и трудности. Мне [illegible] не простой пушец, с ремиком и характерными оттенками. Я его нашу именно таким, как бы его характеризовал сам автор. Но мне очень хлопотно, чтобы слегка окрасить лицо бытовым тоном. У меня же пока выходит Константин Сергеевич, старающийся быть добродушным. Не письмо, чувствую, что Вам досчется, чтоб вот роль играл я. Очень прошу чтобы и вы дали мне с себе Лопахина с удивенной энергией». (1904 г., ноябрь, 4).

М. С. соответствует с А. П. Чеховым относительно декоративной стороны пьесы:

«Только сейчас нашел декорацию первого акта. Она очень грустна. Опыт делаешь быть бодрым и радостным, но вот в этой грустной и вы в вверху вы видим внешний сад; в двери, хочется, чтоб был видел зеленый, уголок показать, что в доме не сплошная. Комната проходная, но надо, чтоб чувствовалось, что здесь уютно (т. е. в детской), тепло и светло; комнаты выбросила, в чтобы стороны дальнейшего вида. Сцена чтоб, надо, чтоб декорация была удобна и со многими планированными местами. [illegible] на [illegible] у [illegible] все это. Но в прошлом году Симов показывал мне эскиз, выразительный для Тургеневской «Новь» чтобы, что и рассказ. Теперь мы решили с Вашего одобрения сохранить декорацию для последнего акта Вишня пьесы. Я смотрю на макет теперь в вагону, что с вагонами, с вокзалом, с ходящими по полоцкой (дай в акте). Если Вы помните макет, вот на у Вас вашем воображении?» (1904 г., ноябрь).

О том же оформлении напрашивает Чехова и в следующих письмах:

«Есть одно место, по режиссерской части. Не знаю, почему, — мне хочется видеть и в акты и одной декорации. В последнем акте разрушенной и приспособленной к отъезду. Это время на ярко грустной сентиментальность. Мне чувствуется, что так пьеса будет уютнее, что публика проникнется с домом. Это будет уютнее, но будет, так как сиуществование дома изменит совершенно настроение в акте. Мы будем продолжать работать над актом, а тем временем, может быть, Вы напишете для дома. Если вопрос: что Конкиодка, Дуня, могут сидеть при обыкновенной? Не можно, раз» (1904 г., ноябрь).

Работа над «Вишневым садом» все более и более увлекала Станиславского:

«Каждый день мысленно благодарю Вас за пьесу! такое наслаждение работать над ней. Одно горе — это Пекарь. Хочется сесть все и только думать о «Вишневом саде». Только равнодушная всякая, только заботишь и выходишь, что ничего не [illegible] тяжелым жарким пледом, голыми ногами, [illegible] затыми и плавнейшими монологами» (1904 г., ноябрь).

Станиславский занят планировки, напрашивает ответ тона и звуки.

«Лестов и записал фонографом рояли на стуле. Тоже самое, которое Вы читали в Любимовке. Вышло чудесно, и теперь этот звук очень приятелен». (1904 г., ноябрь).

«Всякого звука, — пишет К. С., — надерживаешь общую репетовку. С нашим спектаклем вы станешься все трудные и трудные перепишешь и [illegible] раннее. Чудится, что и вся пьеса пойдет в нежном-то нном тоне, чем предыдущие. Все будет бодрее, легче — словом, хочется поскорее [illegible] прислать» (1904 г., ноябрь).

[illegible] Но, как вещь работать над пьесой, над собой, над ролью.

Незаменная преданность искусству, которое делению служить народу, подлинный патриотизм родины, беспощадная особа и [illegible] отношения к работе — вот что объединяло Станиславского и Чехова, этих замечательных мастеров культуры, строгих и требовательных художников.

Ив. ФЕДОРОВ

1898 год. «Чайка» А. П. Чехова. К. С. Станиславский в роли Тригорина и М. Л. Роксанова в роли Нины Заречной

■ ■ ■

СТАРЕЙШИЕ РАБОТНИКИ МХАТ

Старейшинами работниками Художественного театра, работающими в нем со дня основания, являются: народные артисты СССР В. И. Качалов-Шверубович, В. Н. Москвин и О. Л. Книппер-Чехова, заслуженный артист РСФСР М. П. Лилина, исполняющий деятель искусства гений труда А. Р. Вишневский, заслуженные артисты РСФСР М. П. Николаев и С. В. Халютин, артисты С. А. Мозжухин, инвалиды сцены герой труда Н. И. Титов, гримировальщик герой труда Я. И. Гремиславский, гримеры-гримерши М. А. Грекасловская, М. Г. Фалеев и А. Г. Фалеева, почетный изобретатель сцены Ф. Н. Гудков, костюмерша М. И. Кирилловна-Соколова, [illegible] Н. Б. Тамарина, [illegible] Ефетов и А. Прокофьев, гардеробщик В. А. Аверьянов и бутафор Н. Н. Шестеров.

35 лет и более в Художественном театре проработали народные артисты СССР В. Н. Качалов и А. М. Леонидов, заслуженные артисты РСФСР Д. Н. Коонеева, Н. П. Баратова, В. А. Маркаевский и В. А. Подгорный, артист спектакля В. А. Кемарский, постановщик Т. К. Черкасова, костюмер С. Е. Бадьина, рабочий сцены Г. И. Оспенко, билетер П. П. Мотовин, гардеробщик А. П. Колдунов, парикмахер Н. А. Борисов и вахтер Н. П. Лобов.

ЯЗЫК ЦИФР

За 40 лет своего существования Художественный театр поставил на свои [illegible] пьесы [illegible] перу наших соотечественников, а 86—пьесы иностранных авторов.

По 25 русским пьесе 86 классических, 13 принадлежат известным русским дореволюционным писателям, а 14 — советским авторам. Из 86 иностранных пьес 61 принадлежит к мировой классической литературе.

На русских драматургов первое место по числу поставленных пьес занимает А. М. Горький (в Художественном театре шла с его пьесы), на втором месте — А. П. Чехов (9 пьес). На иностранных авторов первое место занимает Генрик Ибсен. Художественный театр поставил 9 его пьес.

■ ■ ■

Интересны цифры, говорящие о посещаемости Художественного театра.

В первый сезон (1898—99 г.) театр поставил свыше 50.000 зрителей. В среднем на каждом спектакле бывало по 760 человек (из общего числа мест). Наибольшим успехом у публики пользовались спектакли «Царь Федор» и «Иван Грозный» на них бывало, в среднем, по 994 зрителя. Наименее цвето по посещаемости оказывала «Чайка»: среднее число зрителей на этом спектакле равнялось, 604.

В фундаторы МХАТ является цифры о посещаемости Художественного театра, начиная с 1919 года. Большую сцену театр в 1919—20 г. посещало 337.473 зрителя, а в следующем сезоне 1920—21 г. — 248.944 зрителя, в 1921—22 г.—253.672, в сезон 1922—23 г. — 201.538 зрителей. В 1924—25 г., когда труппа МХАТ играла на четырех сценических площадках, цифра годовой посещаемости поднялась до 328.407 человек.

Посещаемость МХАТ все время колебалась, и начиная с 1928 г. спектакли идут значительно при полном зале.

Выгодно игру артистов Художественного театра на 40 лет его существования только в Москве, по самому скромному подсчету, свыше 7 миллионов зрителей.

В сезон 1928—29 г. когда Художественный театр играл в Каретном ряду в помещении «Фрунзенская», он располагал 618 местами.

Билеты, 84 прод. всех мест, стоили ниже рубля, а 18 прод — ниже полтинника. Цена билетов на утренние спектакли была еще дешевле: 46 мест были ниже 50 копеек, 341 место — от 50 копеек до рубля и только 90 мест — выше рубля.

Стремясь к тому, чтобы театр стал общедоступным, МХАТ предоставлял на каждый спектакль в бельэтаже в 1-м ярусе до 150 мест студенчеству и учащимся средних учебных заведений, места эти назывались по контрамаркам. Всего за год учащимся было предоставлено таким образом 11.000 билетов.

■ ■ ■

Экономящие спектакли Художественного театра принимали участие более 38 крупнейших художников. Первое место по количеству оформленных постановок занимает В. А. Симов: он оформил 47 спектаклей. Далее идут М. В. Добужинский (17 постановок), В. К. Егоров (5 постановок), В. М. Рабинович (6 постановок), Н. Н. Дмитриев (4 постановки), С. Н. Кириллов, Н. Крымов, П. В. Вильямс, А. А. Головин, П. П. Кончаловский, К. Ф. Юон и др.

Музыкальное оформление спектаклей чаще всего поручалось И. Сац (им написано 8 музыкальных сопровождений для спектаклей), два раза в постановках принимал участие А. Т. Гречанинов. Всего в работах Художественного театра принимало участие более пятнадцати крупнейших композиторов.

■ ■ ■

Экономящие спектакли Художественного театра принимали участие более 38 крупнейших художников. Первое место по количеству оформленных постановок занимает В. А. Симов: он оформил 47 спектаклей. Далее идут М. В. Добужинский (17 постановок), В. К. Егоров (5 постановок), В. М. Рабинович (6 постановок), Н. Н. Дмитриев (4 постановки), С. Н. Кириллов, Н. Крымов, П. В. Вильямс, А. А. Головин, П. П. Кончаловский, К. Ф. Юон и др.

Музыкальное оформление спектаклей чаще всего поручалось И. Сац (им написано 8 музыкальных сопровождений для спектаклей), два раза в постановках принимал участие А. Т. Гречанинов. Всего в работах Художественного театра принимало участие более пятнадцати крупнейших композиторов.

ПЕРВЫЙ ТЕАТР В МИРЕ

Сорокалетие Художественного театра — дата, которая должна была стать такой радостной, — совпало горькой вестью о смерти Станиславского, одного из основателей этого прославленного театра.

В счастье, с даже другой его основатель — Немирович-Данченко, способный поддержать шедевры славу Художественного театра.

Какой путь пройдет с того знаменитого дня, когда эти два гениальных человека, встретились в ресторане, за зала обсуждали принципы обновления драматического искусства в России и достигли полного согласия заглавии!

Какой путь пройдет со времени первого спектакля в маленькой «Чайке», нестяжа бурю, чей образ стал многочаятельной эмблемой Художественного театра! Те, кто помнит этот исторический вечер, воспоминания хранят сегодня с надежде, вне нижней, до их сегодня, когда во втором акте в зрительном зале, до этого отношения настоящего в безмолвии, вдруг раздались восторженные аплодисменты и когда впервые мы бы стали [illegible] роль, которую суждено было новому театру сыграть в истории русской культуры.

Какой путь пройдет со времени столкновений Станиславского и Немировича-Данченко с пафосом пластики, изощренности тысячи, ключевыемые прогрессивной мыслью!

Ничто не заставило театр свернуть с прекрасного прямого пути, который он избрал. И история Художественного театра — первый театр в мире.

Он — первый по избранной им высокой миссии пробуждать своим искусством самые благородные чувства в душах зрителей.

Он — первый по мастерству каждого из актеров и по их глубокому ощущению совершенной взаимной связи, которая должна объединять все их усилия.

Он — первый по чудесной добросовестности, с которой подготовлены и осуществляются его спектакли, до мелкими и самыми мельчайшими деталями.

Он — первый по тому братству, которое как бы сливает в одну большую семью всех артистов и всех технических работников, составляющих коллектив театра.

К стыду можно, я должен признаться, что, пишя в первый раз в Художественный театр, я невольно сомневал, — я — всего на одну или две минуты!

Я лучал, что, несмотря на это, смогу проникнуть в зрительный зал, и устремился к дверям.

— Нельзя, вроде вот, Заказец пошит...

Но я прорвал из Парижа, чтобы увидеть этот спектакль. И я бы хотел увидеть и впредь зрелище!

— Сегодня вечером это уже невозможно!

Я смотрел второй акт. Я был восхищен игрой актеров. Мне хотелось аплодировать одному исполнителю, чья игра особенно меня захватила. И уже начал было аплодировать, как мой сосед сдержал меня вполголоса:

— Что вы делаете?

— Вы же видите, аплодирую! — отвечал я с чем же тоже.

— Остерегайтесь! Весь зрительный зал будет сердиться. В Художественном театре зрители аплодируют лишь в конце акта. Но тогда, вы увидите, они рукоплещут от всего сердца.

Действительно, я убедился в том, что публика, которая начала показывать мне злодей и равнодушной, наоборот, исцеряла восторженно свои аплодисменты.

Опущение того, что является Художественного театра выполняет функцию одновременно художественную и общественную, и вспыхнет особенно ярко в Париже на премьере советских спектаклей, шедших в Большом театре Елисейских полей.

Весьма разнообразная публика, присутствовавшая на спектакле, оказалась единодушно заглавленной замечательным спектаклем.

Шла пьеса Горького. Бурнуа были в ней противоположительны революционерам. Вторая одна поперечная возмущенная самоотверженность другу. Это столкновение прошлого с будущим было выражено с такой мастерством, с такими благородством, что даже зрители, глубоко враждебные правительственным идеям, не могли удержаться от похвалы Горькому и исполнителям.

Я видел плачущих женщин. Между тем пьеса была сюжет мобилизующей, нежели трогательной. Я уверен, что среди зрителей, приглашенных сюда, были такие, которые не видели России со времени Октябрьской революции. Но эти великолепные артисты, это совершенное, благородное искусство, это [illegible] заставили зрителей поверить в то, что интеллигентальные достоинства России не только далеки от упадка, но что, напротив, при интуитивно народа они выросли.

Искусство Станиславского и Немировича-Данченко внезапно заставляет увидеть не только материальное, но и духовное преобразование Советского Союза. Это вынуждает быть отличным даже то, что не питает в СССР низких симпатий.

И в пьесе тогда слова, которые мне сказал отважный Фтуаен Жемье:

— Станиславский — величайший человек нашего времени.

Больше всего поражает в Художественном театре изумительная тщательность в подготовке спектаклей. Руководители театра требуют от исполнителей глубокого проникновения в обстановку, в которой действует вымышленные персонажи.

Так, или говорили, что актеры Художественного театра с сознательной тщательностью изучают среду, которая им поручено воплощать на сцене. В такой высокой степени забота о правдивости спектакля не существует ни в одном другом театре.

Я выбирал Немировича-Данченко, когда он ставил в Художественном театре одну классическую пьесу. Нужно было изобразить банкет, в разгаре которого вдруг разразывается бурная сцена. И я был поражен тем, как подробно режиссер дела уделяет по внимание. Он говорил «кофе-пиканам», подливаем кушанья, как должны они на трех пальцах держать в руках бокалы, заливаем жгутик пуст за спиной. Он указывал каждому на «то-то», что ему нужно было делать, как сильно волнуют полины наклонятся в своих молодых соседям, подливая им вино в бокалы, как нервны сила колены были напряжены, как [illegible] и [illegible] на другом вспыхивала грубая сцена.

Я и должен признать, что этот необычайный реализм не только не ослабил эффекта основного действия, а наоборот, придал ему еще большую убедительность, это драма приобрела яркость самой жизни.

■ ■ ■

Я жил удовольствие вместе с моим другом Бирюкиным провесть день отдыха актеров Художественного театра в маленьком общественном ресторане, расположенном в одностности Москвы на берегу прекрасного озера, неподалеку от канала Москва—Волга. Очаровательная мягкость бабьего отдыхания, которое всех нас объединяли в эти часы досуга, незаинтересованность в материальных обеспеченности, которыми они пользовались, дали мне понять, что самое их искусство, которое в сценическом благодаря их любовь, окружающим подлинных актеров в прозаическом обществе, которому они отдают все дары своего ума и [illegible]

ПОЛЬ ГЭЕЛЛ

Париж, октябрь 1938 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ИЗДАТЕЛЬ: Гос. изд-во «Искусство»

Уполномоч. Главлита В—42448. Типография газеты «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30. Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар, 11. Телефон 3-42-46.